Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Анна Политковская, двадцать лет спустя: месть или возмездие?

20.10.2026.

Анна Политковская (1958-2006)

Двадцать лет назад, 7 октября 2006 года, в подъезде своего московского дома была убита Анна Политковская. По невероятному совпадению – совпадению ли? – в день рождения Владимира Путина. Проклятое какое-то число, это 7 октября, согласитесь. Находившийся тогда с визитом в Дрездене президент отреагировал на новость, заявив, что это «омерзительное по своей жестокости преступление» нанесло стране и действующей власти гораздо больше вреда, чем публикации журналистки, в последние годы расследовавшей то, что творилось в Чечне.

Я прекрасно помню пережитый мною тогда ужас и прекрасно понимаю, почему знавшие Анну Степановну люди не могут о ней забыть – это была очень яркая, талантливая личность, честный и мужественный профессионал. За прошедшие с ее трагической смерти двадцать лет об Анне Политковской было написано немало книг и поставлено несколько спектаклей, причем не только в России, но и во Франции, Италии, Швеции, Болгарии и других странах. Из постановок наиболее интересной мне представляется одна из самых ранних – «Неисправимая» (Donna non rieducabile) итальянского драматурга Стефано Массини, вернувшего Анне голос прежде всего

посредством ее собственных репортажей, статей и свидетельств. Эта появившаяся в сезоне 2007–2008 годов пьеса возобновлена в нынешнем сезоне. В октябре 2011 года французская адаптация пьесы Массини, в которой Мирей Перье выступила и как исполнительница, и как режиссер, была показана в Женеве, в Maison Saint-Gervais, и я сделала тогда большое интервью с автором – Мирей Перрье призналась тогда, что Анна не перестает ее удивлять.

И вот теперь, двадцать лет спустя после ее трагической смерти, французский писатель и журналист Жан-Франсуа Бутор, в свое время редактировавший книги Анны Политковской во французском издательстве Buchet/Chastel, выпустил роман *La Vengeance d'Anna P.* («Месть Анны П.»), написанный от первого лица и как бы дающий возможность убитой журналистке самой рассказать о том, что произошло с тех пор с Россией и с остальным миром.

С этим у меня возникло первое затруднение при чтении книги. Не потому, что я принципиально отвергаю литературную мистику – художественная литература допускает самые невероятные условности, в том числе и разговоры с мертвыми – а потому, что знаю, как непросто «влезть в шкуру» другого человека, особенно если ты не был с ним особенно близок, и не уверена, Жану-Франсуа Бутору это до конца удалось. На мой взгляд, его собственный голос, безапелляционно комментирующий современную политическую повестку, в романе звучит сильнее. И возникает ощущение, что Бутор использует Политковскую прежде всего как моральный авторитет, придающий дополнительный вес его собственным рассуждениям о современной России и о войне в Украине, занимающей центральное место в повествовании.

Было и второе затруднение. После нашумевшего романа Джулиано да Эмполи «Кремлевский волшебник» – упоминающегося и в романе Бутора – прием, при котором история путинской России рассказывается через вымышленных персонажей с легко узнаваемыми реальными прототипами, уже не кажется особенно оригинальным. Но между двумя романами есть принципиальное различие: да Эмполи предлагает взглянуть на современную Россию изнутри кремлевской власти глазами вымышленного героя, тогда как Бутор предоставляет слово жертве этой власти – женщине, которая действительно жила, писала и была убита. И именно это делает, на мой взгляд, художественный эксперимент Жана-Франсуа Бутора более спорным. Но отдадим ему должное: надо обладать определенной смелостью – назовем это так – чтобы заставить героиню оценить реакцию общества на собственное убийство. В романе это звучит так: «Моя смерть от двух пуль, выпущенных в меня на лестничной клетке моего дома, не вызвала даже подобия массового протеста. Лишь несколько скорбных и весьма чинных собраний, поскольку каждый прекрасно понимал, что первый, кто посмеет хоть пальцем пошевелить, в лучшем случае отправится подышать свежим воздухом в камеру предварительного заключения со всеми неприятностями, которые там умеют придумывать.»

Можно ли утверждать, что Анна Политковская проявила бы такое понимание к равнодушию большинства к принесенной ею высшей жертве? Я бы на себя такую смелость не взяла.

Читая роман, я невольно вспоминала лекции нашего с Политковской общего профессора античной литературы Елизаветы Петровны Кучборской – да, мы обе

учились на факультете журналистики МГУ, который Анна Степановна закончила за пять лет до моего поступления. Но профессора были те же. Так вот Кучборская, легенда Московского университета, уже на первом курсе увлекала нас в столь близкий ей мир Древней Греции, вдохновенно рассказывая о богах и героях, о Пифии, через которую говорил Аполлон, об Эриниях, богинях, не только призывающих к возмездию, но и самих его творящих, и о Кассандре, троянской пророчице, предвидевшей катастрофу, но обреченной на то, что ее предупреждениям никто не поверит. И мне все больше казалось, что Бутор превращает Анну Политковскую в нечто среднее между Пифией, Эринией и Кассандрой: во всеведущую прорицательницу, призывающую к возмездию. Но ведь Анна была не мифологической фигурой. Она была журналисткой, погруженной в самою острую реальность, и добивалась правды и справедливости не в загробном мире, а здесь, на земле, в горячих ее точках. Правды и справедливости, но не мести. Я не знаю, была ли Анна Степановна верующим человеком и верила ли в загробную жизнь, но даже в этом случае не факт, что ей был бы близок придуманный для нее образ загробного голоса, читающего лекцию ныне здравствующим персонажам.

А замысел Жана-Франсуа Бутора именно таков: Анна Политковская обращается с того света к живым. Прежде всего к некоему родившемуся в Башкирии Олегу Карамзину, «однофамильцу» знаменитого историографа русского императорского двора, немало сделавшего, помимо всего прочего, для знакомства российских читателей со страной Гельвецией. Олег – приближенный к Кремлю журналист, в котором нетрудно угадать вполне реальный прототип – Павла Зарубина, ведущего программы «Москва. Кремль. Путин», родившегося в башкирском Белорецке. Впрочем, узнаваемость прототипа еще не делает литературный образ убедительным – уж слишком тонкая душевная организация у этого профессионального пропагандиста.

Время от времени Анна Степановна обращается, помимо вымышленного Олега, к «дорогим читателям и читательницам», а иногда непосредственно к Владимиру Путину, которого фамильярно именует Вовой – эти последние обращения выделены курсивом. Но совершенно очевидно, что Жан-Франсуа Бутор адресовал свою книгу западному читателю, причем читателю, с российскими реалиями не слишком знакомому. Так что объяснять ему все приходится подробно, чуть ли не с нуля и на пальцах.

И тут у меня возникает затруднение с названием романа и особенно с его переводом на русский язык, позволяющий разные коннотации. «Месть Анны П.» – буквальный и наиболее естественный перевод. Но «месть» предполагает личную обиду, желание поквитаться с обидчиком. Применительно к Политковской это звучит мелко и снижает масштаб ее личности. «Возмездие Анны П.» звучит гораздо более торжественно, почти библейски. Здесь уже слышится не личная месть, а наказание за совершенное зло, за преступление. Высший суд. И вновь возникают Эринии. И Достоевский с ними. Что подводит меня к еще одному затруднению, на этот раз связанному с литературой.

Анна Политковская действительно прекрасно знала и любила литературу, поэтому обилие литературных отсылок в романе могло бы показаться вполне уместным. Но обилие постепенно переходит в изобилие и начинает мешать восприятию повествования даже мне, страсть к литературе разделяющую. Цитаты, аллюзии, имена писателей, литературные параллели следуют одна за другой, порой заслоняя

собой предмет разговора и вызывая ощущение, словно автор стремится продемонстрировать свою эрудицию и параллельно повысить образовательный уровень читателя, приписывая оба стремления героине. В конечном счете роман начинает напоминать не столько художественное произведение, сколько лекцию или в развернутое политико-историческое эссе, для которого голос Анны Политковской служит своеобразной литературной рамкой, как и голоса вымышленных персонажей – Олега, его жены Лены (чья деятельность во славу режима проходит под прикрытием продажи дамских сумок люксовых брендов) и его временной любовницы Людмилы (преподавательницы литературы, взявшейся наставить Олега на путь истинный), высказывания которых ближе к декламации, чем к живой человеческой речи. Особенно странно это выглядит в так называемых «интимных сценах» — ну не верю, хоть убей!

А что касается литературы, то, награждая Владимира Путина самыми разными нелицеприятными эпитетами, чаще всего она величает его Акакием Акакиевичем. Это – не выдумка Жана-Франсуа Бутора: Анна Политковская назвала целую главу своей книги «Путинская Россия» (2004) «Акакий Акакиевич Путин-2», проведя прямую параллель между российским президентом и гоголевским Башмачкиным, пресловутым «маленьким человеком», из шинели которого вышла, как принята считать, вся последующая русская литература – кстати, приписываемое Достоевскому знаменитое выражение использовал французский дипломат и литературовед Эжен-Мельхиор де Вогюэ в своем «Русском романе» (Le Roman russe, 1886).

С этой литературной параллелью связан такой интересный момент. В интервью британской газете The Independent, опубликованном 15 октября 2004 года, Анна Политковская сказала: "Putin is like Gogol's Akaky Akakievich. He is a small grey person who really wants not to be grey. Putin had a historic chance to be great and not to be grey but he is still grey." То есть: «Путин похож на гоголевского Акакия Акакиевича. Он маленький серый человечек, который не хочет оставаться серым. История дала Путину шанс стать великим, а не серым, но он все равно серый». А в русском переводе интервью, опубликованном на сайте NEWSru.com, акцент проставлен с точностью до наоборот, там говорится, что Акакий Акакиевич и хочет оставаться серым. Вот, что называется «lost in translation»!

Мне трудно поверить, что реальная, не вымышленная Анна Политковская, сказала бы: «Вы, кажется, уже заметили мою любовь к Гоголю, без которого мало что можно понять в России. В сущности, если не считать поэтесс Серебряного века, Ахматову и Цветаеву, у меня три учителя в русской литературе. Оставьте себе вашего обожаемого Достоевского, несомненно гениального, хотя и тяжеловесного по манере письма, но к тому же антисемита, националиста и славянофила; откажитесь от Толстого, этого эгоцентричного пожирателя женщин, отвратительного типа, хотя «Смерть Ивана Ильича» я вам, так и быть, признаю; и читайте Гоголя, Чехова и Булгакова. О Пушкине поговорим в другой раз... Я не могу простить ему «Полтаву» и его презрительную ненависть к Мазепе, отголоски которой до сих пор слышны в прозе нашего Диктатора — доктора исторических наук».

При этом в книге присутствуют, помимо перечисленных авторов, и Лермонтов, и Гроссман, и Пастернак, и Мандельштам (Людмиле, большой его поклоннице, даже присвоено отчество Осиповна), и Рильке, и Роман Гари, и Филипп Рот, и Поль Элюар, и Василь Стус, с которым Жорж Нива познакомил франкоязычного читателя лишь в

начале этого года, и многие другие, каждый из которых по-своему осмыслял современную ему эпоху или обращался к прошлому.

… В финале обе женщины журналиста-пропагандиста Карамзина погибают: Лена, надо понимать, от рук ФСБ, с которой она в какой-то момент расходится во взглядах, а Людмила – от российской ракеты Искандер-М. А сам Олег начинает не просто слышать голоса, а, кажется, слышит голос самой Алисы Фрейндлих, произносящей заключительный монолог жены Сталкера в фильме Андрея Тарковского, который, как мы тут же узнаем, герой Бутора не смотрел и даже не слышал о нем! Вот как это выглядит в романе: «В то утро, когда едва занимался рассвет и он еще спал, зависнув на почти осязаемой границе между сном и пробуждением, он отчетливо услышал последние слова из фильма, слова жены Сталкера, которая так долго его ждала: «Я знала, что будет много горя, но горькое счастье лучше серой, унылой жизни… Когда он просто подошел ко мне и сказал: „Пойдем со мной“, я пошла за ним и никогда об этом не жалела. Никогда…» И ему показалось, что он узнал нежный голос своей «Милы». Я должен найти ее, — подумал он. Найти и последовать за ней. Он был готов бежать на поиски тебя, милая Люда.»

Пытаясь вернуть голос Анне Политковской, заставить ее вновь обратиться к живым и осмыслить события, которых она не застала, Бутор, несомненно, руководствовался благородными намерениями. Несомненно и то, что Анна Степановна всеми доступными ей способами выступила бы против войны в Украине. Однако выбранный автором литературный прием меня не убедил. Я искренне надеюсь, что память об Анне Политковской будет жить еще долгие, долгие годы и что у дела, за которое она отдала свою жизнь – поиска правды и справедливости – будут продолжатели. Срок интереса читательской аудитории к книге Жана-Франсуа Бутора предсказывать не берусь, поскольку не знаю, сколько продлится нынешняя политическая ситуация – на роль Кассандры я не претендую.

Анна Политковская
Жан-Франсуа Бутор
Éditions Noir sur Blanc
Политковская 20 лет спустя
Месть Анны П.
новейшая история России

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/anna-politkovskaya-mest-vozmezdie*